

Глава 1

АПЕЛЬСИН

Я режу апельсин. Положила его на доску. Держу правой рукой, левой режу. Главное — тонко резать. Тонко значит долго.

Только не надо глупых аналогий. Апельсин — не вена. Я не собираюсь умирать. Из-за Алаши тем более.

Просто режу апельсин. Тонко и долго. Потому что мне надо как-то дождаться папы. И он объяснит мне, что я должна была ответить Алаше.

АЛАША

Алаша меня остановил уже на подходе к дому. Отделился от тусовки, над которой возвышалась голова Фокса. Сунул руки в карманы кожаной куртки. Чуть сторбился, наклонил голову набок, улыбнулся. Приблизился ко мне, весь такой блестящий — от черных вьющихся волос до лаковых ботинок. И спросил:

— Тебя как зовут, красавица?

Алаша учится у нас первую неделю. Но уже стал частью компании Фокса. Даже его правой рукой. Почему так быстро? Почему же я...

— Так как, красавица?

Он издевается. Я вижу, что он издевается. Фокс видит. Оба видят, что я далеко не красавица.

Но я пытаюсь сохранить достоинство, показать им, что я не дура и понимаю, что они издеваются. И мне хватит сил держать удар.

— Допустим, Лиза.

И иду дальше.

— А без «допустим»? — вдогонку говорит Алаша.

Я не знаю, что ответить. И бормочу жалко:

— А без «допустим»... без «допустим»... тоже...

Лиза!

Компания хохочет. Фокс кривится и зовет:

— Алаха! Отстань от Повара!

Я чувствую, что краснею. Повар, значит... Это из-за...

Я тороплюсь к дому. Врываюсь в подъезд. Срываю ненавистную шапку, белый уродский колпак, из-за которого только что получила еще одну кличку. Мало мне первой...

Вытаскиваю телефон, набираю папин номер. Можно позвонить и из квартиры, но папа нужен мне сейчас, вот именно в эту секунду.

Он должен сказать, что всё нормально.

Что Земля круглая.

Что она вертится.

Что за днем будет ночь. И наоборот. И много-много дней-ночей, а потом я вырасту и ходить в школу будет не нужно.

А в эту субботу мы пойдем в музей. И потом — в пиццерию. И еще поедем на Воробьевы горы. Будем там бродить и мечтать, как летом приедем сюда с великами.

Мне срочно нужно услышать от папы эту мечту про мечту.

Но папин телефон выключен.

И я иду к лифту, а лифт едет долго, и я пока еще не знаю, есть ли у нас дома апельсины.

КОГДА ВЕРНУТСЯ РОДИТЕЛИ...

Стемнело, а я так и не включила свет. Режу третий апельсин. Он круглый и напоминает Землю, которая (всё-таки!) вертится. Мне немного лучше. Хотя до конца меня приведет в чувство только папа. Он просто придет домой после работы. Помоеет руки и обязательно прокричит из ванной:

— А вам не кажется, что я похудел?

— Нет! — крикнем мы с мамой хором.

Папа боится худеть. Ему кажется, что худеют только больные.

— А я всё-таки похудел, — с тревогой скажет он, — у меня ввалились щеки.

— Лучше бы у тебя живот ввалился, — скажет мама и хлопнет его легонько по майке.

— Я попрошу, — скажет папа, усаживаясь за стол, — не проявлять жестокости к похудевшему от душевных страданий.

— Ой-ой-ой, — скажет мама и со стуком поставит на стол тарелку.

— Селедочка! — обрадуется папа и забудет о душевных страданиях.

И я забуду. Буду отмокать в их разговорах и смехе, как в ванне. А потом папа подсядет к компьютеру, чтобы «накропать» очередной рассказик для детского журнала, а я сяду рядом на диван. И он скажет:

— Ну, сыпь свой крыжовник!

Это цитата. Из «Дорога уходит в даль» Александры Бруштейн. Мы с папой любим одинаковые книги. И часто напоминаем друг другу разные фразочки. Папа еще любит цитировать: «Тетенька Цвой так и заливалась смехом... Нет, нет, Альфонс, рассказывай! Мы это обязательно сделаем» и «Бруно попробовал несгоревшие макароны, но тут же выплюнул прямо мне на ботинок». Это из «Злоключений озорника». А мне нравится: «Нет, мы не разбивали голубой чашки. Это всё только серые злые мыши». Это из Гайдара.

Когда папа скажет: «Сыпь!», я вывалю ему всё.

Сначала он придумает что-то смешное. А потом серьезно скажет:

— Плюнь. И разотри. Они одноклеточные еще в этом возрасте, мальчишки ваши. Поверь. Им сейчас нужно только одно.

— Ну и разговоры у вас, — проворчит мама, вынося на балкон кастрюлю с оставшейся картошкой.

Мама откроет дверь, и мои коленки обдаст холодом. Папа долгим взглядом посмотрит на маму, а потом скажет:

— Я не об этом. Им сейчас нужно только поклонение. Они завоевывают, им поклоняются, и они идут дальше — завоевывать. И так до бесконечности. Пока не захочется жениться. А жениться им захочется на еще не завоеванных. Так что, Муськин-Пуськин, плюнь. У тебя есть сейчас дело. Учеба. Ну и делай его потихоньку. Грызи гранит. А эти... Приползут еще.

— Очень они нам будут нужны, — добавит мама, закрывая балкон.

Моим коленкам снова станет тепло.

И тут зазвонил телефон.

ГДЕ ПАПА?

Звонила тетя, жена маминого брата. Они живут в Подмосковье, но видимся мы с ними редко. И разговариваем в основном только по праздникам.

Если честно, когда ее номер высветился на экране, я испугалась: вдруг я пропустила какой-то семейный праздник? Может, забыла кого-то поздравить с днем рождения?

— Алло? — осторожно произнесла я.

— Лиза... Где папа?

— Я не знаю... То есть на работе... Хотя он сегодня же поехал в... А... А что?

— Я не знаю, — сказала тетя, — я не знаю, лучше позвони маме.

Что-то было в ее голосе... У меня заныло в груди.

Так бывает, когда смотришь кино. И вдруг в голове щелкает: бац-бац! И понимаешь, что угадал, чем закончится фильм. В общем, что-то где-то внутри меня щелкнуло: бац! И заныло.

Я позвонила маме. Недоступна.

Я позвонила Ирке.

— Я у ученика, — прошипела сестра в трубку и отключилась.

Я позвонила папе. Недоступен. Я снова позвонила тете.

Я как будто неслась на салазках. Вниз! Вниз! Дыхание перехватывает, по телу мурашки, но ты несешься вниз. Вжик!

Тетя не подошла к телефону. Вжих!

Снова мама... Снова папа... Ирка. Это не сложно — долбить всех звонками. Просто выбираешь имя из списка уже набранных и долбишь. Это примерно как резать апельсин.

Наконец мама перезвонила сама.

БЕЛЫЙ СВИТЕР

Голос у мамы был такой, словно она бьется в когтях у хищной птицы.

Она захлебывалась словами. Словами и слезами.

— Его! Забрали! Только что! Забрали!

— К-куда, мама?

— В тюрьму!

— Почему в тюрьму? Как в тюрьму? Его же не должны были... Он же просто так в суд ездил... Поддержать своих... Он так говорил... Мама!

— Забрали! Только что! Увели!

Мы молчим.

— Когда его отпустят?

— Если приговор подтвердят... Через пять лет...

Мама замолкает. Не слышно даже всхлипываний. Кажется, она просто онемела от ужаса. Я тоже молчу. Слез нет.

— Прямо из зала суда взяли и забрали, — сказала мама четко. — Прямо в белом свитере. Господи...

Глава 2

МИР И МЫ

Надо прояснить.

Необходимо прояснить.

Папа всегда был в ладу с миром. У нас в семье есть разделение.

Мама с миром борется. Точнее, с его несправедливостями. Исправляет его ошибки. Я от мира прячусь. Ирка — и борется, и прячется, и ладит. Когда что. На работе — борется. На учебе — прячется. С Костей, своим бойфрендом, — ладит, конечно. Но вообще иногда и прячется. Это если ругаются.

Но папа...

Папа у нас всегда со всеми ладит. Даже с Костей. А это, между прочим, не так просто. Мама говорит, что, когда Бог создавал Костю, человеческий материал закончился и пришлось использовать дерево.

— Ну уж, ну уж, — примиряюще говорит папа.

— Это ты из жалости к Ирке, — спорит мама. — Она в него как дурочка влюбилась.

Но папа защищает Костю не из-за Иры. И не из-за самого Кости. Из-за себя. Потому что папа не переносит конфликты.

— Знаешь, кто я, Муськин-Пуськин? — спрашивает он у меня. — Я — ручеек. Любой камень обегу. И если надо, могу в землю уйти.

— Конечно, — ворчит на это мама, — это я у вас — бульдозер.

— Ты — двигатель прогресса, — говорит ей папа.

Он у нас мастер найти такие слова, чтобы человеку было приятно их услышать и чтобы это было правдой.

ПАПА

Когда папа был маленьким, он был страшно мнительным. Когда он делал себе бутерброды перед сном, то спрашивал у своего папы, моего дедушки:

— Папа, а мне хватит двух бутербродов, чтобы не умереть от голода?

— Ты так хочешь есть? — спрашивал дедушка.

— Нет, но я же не буду есть целую ночь. Вдруг за это время я проголодаюсь и умру?

— Не умрешь, — успокаивал его дедушка. — Двух — вполне хватит.

Бабушка эту историю терпеть не может. Ей кажется, она о том, как папа голодал в детстве. Но она совсем о другом... О том, как папа переживает по любому поводу.

Например, когда он учился в школе, бабушка оставляла ему на кухне обед. Куриную лапшу. А папа, как любой ребенок, терпеть не мог нормальную еду. И потихоньку выливал суп в унитаз. А сам мазал хлеб вареньем, лопал и читал книжки.

Но бабушке он никогда не говорил, что не ест лапшу. Он боялся ее обидеть.

Правда, однажды бабушка обнаружила целехонькую куриную лапу в помойном ведре. Но это не потому, что папа решил ее обидеть.

— Просто книжка была интересная, не хотелось надолго от нее отрываться, — объяснял мне папа, рассказывая эту историю.

— Ну конечно, — ехидничает мама, — просто кому-то было лень тащиться до унитаза.

— А бабушка сильно обиделась? — спрашиваю я.

— Дело не в том, что я обиделась, — говорит обиженно бабушка, — а в том, что я за него переживала. Он же такой худенький был и ничего не ел. Вот я и старалась, чтобы посытнее ему было.

— И что, никак его не наказала? — удивляется Ирка.

Она считает, что всех детей необходимо наказывать как можно строже. Просто на своей практике в педагогическом институте она уже успела повидать настоящих детей.

— А как же, — говорит дедушка, еле сдерживая смех, — заставили съесть эту куриную лапу из ведра.

— И остальные три лапы доесть, — шепчет папа мне на ухо. — Они ведь мне четырехлапых кур варили. Чтобы посытнее.